В этой своеобразной лексике речей героинь и автора, в этой характерной стилистике и фразеологии ярко сказался барский жаргон, какой внедряли в русскую литературу Карамзин и сентименталисты.

И автор, и героини часто плачут. О матери Лизы Карамзин даже пишет: «Бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего, — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать». На успокоительные речи дочери мать отвечала: «На том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего».

Настойчиво Карамзин создает особую психологию своих героинь — необычайно эмоциональную, типично сентиментальную. Постепенно и неуклонно складывается образ Лизы как образ барышни-крестьянки, вернее — крестьянки-барышни, с изысканным литературным языком, с повышенной чувствительностью и т. д. Автор щедро рассыпает в применении к ней эпитеты: нежная, робкая и пр. Да и мать Лизы изображена чертами какой-то барыни-крестьянки или крестьянки-барыни — вне реального трудового быта крестьянства.

Автор неохотно касается бытовой, трудовой жизни героинь. Правда, вначале он сообщает читателям скороговоркой, что Лиза, «не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды и всё сие продавала в Москве». Но в ходе повествования крестьянский труд не показан; автор словно забывает о нем. Так, Лиза поутру пропадает целых два часа на свидании с Эрастом — и мать этого не замечает. О самой матери Карамзин рассказывает: «Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала», — и только; кроме наслаждения природой, ни о чем другом не упомянуто.

Когда Лиза рассказала матери о своей первой городской встрече с молодым барином Эрастом, предложившим рубль за цветы, стоившие пять копеек, мать резонно ответила: «Лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты еще не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку. У меня всегда сердце бывает не на своем месте, когда ты ходишь в город». Это резонно. Но когда красивый офицер Эраст сказал ей: «Мне хотелось бы, чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы», — неожиданно «старушка с охотою приняла сие предложение». Когда Эраст «хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены»,